

ТАКОЙ ТЕАТР В ТАРТУ

ВСТРЕЧИ
С ЛЮДЬМИ
ИСКУССТВА

В ГОРОДЕ Тарту, в театре Ванемуйне, проходя утром по фойе в кабинет главного режиссера, я услышала, что на сцене идет репетиция. Прислушалась — «Черевички». Вошла в зал... Актриса, игравшая накануне в пьесе современного эстонского драматурга Лийвеса драматическую роль и так просто, с такой глубиной рассказавшая нам о чувствах, не выраженных в тексте пьесы, эта самая актриса драматического театра Эло Тамуль со всем блеском отличной певицы репетировала Солоху. В другой приезд я видела подряд два спектакля: балет «Пер Гюнт» и «Иркутскую историю». Пер Гюнта танцевал Юло Раннасте. Он же на другой день играл Виктора в пьесе Арбузова. Мне показалось, что единственным слабым местом у его Виктора был танец. Видимо, актеру было трудно преодолеть собственное танцевальное мастерство. А Эйнари Коппель играет Кориолана, Федора Протасова, Мекки-Мессера, поет куплеты, танцует в оперетте Кырвера «Лесной цветок» и исполняет партию фабриканта в опере Эрнесакса «Боевое крещение».

В этом театре сегодня играют драму, завтра оперу, затем балет и оперетту. В этом театре изучают зрительские анкеты, издают буклеты к каждому спектаклю, занимаются с балетными артистами, подавшими заявки на роль в драматическом спектакле, и проводят специальные уроки с драматическими, занимающимися вокалом; готовят второй, третий,

пятый вариант спектакля, месяцами уже шедшего при полном зале...

И чего только еще не делают в этом театре под руководством Каарела Ирда! А он не только руководит «комбинатом», вырабатывающим отнюдь не серийное искусство, но и сам ставит превосходные спектакли, отлично преподаёт в студии, выполняет ответственные обязанности члена Президиума Верховного Совета республики, участвует в творческих съездах, конференциях, симпозиумах, жюри. Вокруг него происходят споры, сталкиваются точки зрения, приходит в движение то, что казалось от века устойчиво вросшим в почву, — и при всем этом он всегда возмущается чем-то, что, с его точки зрения, застоялось на месте.

Вот выпустили новый спектакль, успех определился немедленно. Хвалит пресса, ходит зритель, полна касса. «Я поставил плохо, — твердо заявляет Ирд. — Это неинтересно! Это повторение. Нет ни одной новой находки, ни одного изобретения. Будем переделывать». И переделывают. Или, наоборот, после премьеры слышатся критические голоса. А Ирд спокоен и доволен. «Может быть, это, действительно, еще не должно нравиться, но опыт был для нас важный. Теперь доработаем». И дорабатывают. Как-то находится время для репетиций уже выпущенных спектаклей, как-то Ирд умудряется заставить композитора переписать и дописывать музыку к уже идущей опере, а актера убеждает перестроить сделанную роль. Иногда страсти при

тельность Ирда. Такой он во всем — и в своей организаторской работе, и в общественно-театральной деятельности, и в теоретической мысли. Коммунист Ирд страстно борется за свои идеи и страстно ненавидит то, что мешает претворению этих идей в жизнь.

Вся жизнь Ирда — в театре. Но в 16 лет он был маллром, и тогда, в буржуазной Эстонии, не мог и мечтать о высшем учебном заведении. А позже, придя в театр, шел своим путем и стал не только выдающимся режиссером, но и широко образованным знатоком искусства, экспериментатором, автором теоретических работ. Талантливым он был, конечно, всегда. Но для режиссера талант — это только трамплин для взлета. Без знаний, без повседневной учебы, без пожизненного труда и с большим талантом много не сотворишь...

ИТАК, театр, руководимый Ирдом, — многожанровый, и в каждом жанре есть пьесы (оперы, балет, оперетты), поставленные только в Тарту, например, «Кориолан» Шекспира — в драме, «Орфей и Эвридика» Глюка — в опере. Вот что говорит Ирд:

— Наш театр постепенно сложился в универсальный театр-комбинат не из каких-нибудь эстетических соображений. Это необходимая организационная форма, которая позволила в небольшом городе создать многоплановую театральную культуру.

«Обычно по субботам и воскресеньям

этом накаляются весьма сильно, но никому не приходится в голову сомневаться в необходимости самих поисков.

Этот неуютный склад характера и неумный творческий темперамент отличают не только режиссерскую дея-

мы не ставим оперетт. Практика показала, что зритель, который хочет в субботу или в воскресенье пойти в театр, если там нет оперетты, готов смотреть и оперный спектакль, и серьезную драму. Практика также подтвердила, что многие из зрителей, которые в первый раз попали на оперу в силу обстоятельств, придут на нее и в другой раз уже добровольно», — так говорит Ирд. К этому необходимо добавить, что на новую оперу В. Тормиса «Полет лебедя» билеты уже проданы на полгода вперед.

Ирд об этом говорит так: «Настоящее художественное творение должно в чем-то обладать неповторимостью. Неповторимость произведения искусства отличает его от ремесленного или фабричного изделия. Оправдано существование только такого художника, который способен дать крупицу того, чего до него не было. Если мы будем об этом помнить, тогда не будет на земном шаре ни одного маленького города, ни одного скромного театра, где невозможно было бы создать настоящее искусство».

Ирд ставил пьесу Р. Парве «Лабиринт блаженства», состоявшую главным образом из текстов передач эмигрантского эстонского радио, не жалеющего сил и средств на националистическую пропаганду. Соль этого спектакля-памфлета — контраст между националистическими словесами и сценическим действием. Ирд уничтожал демагогию смехом.

НО НЕ ТОЛЬКО политический памфлет имеет для него точный адрес и точное современное значение. В статье, напечатанной в буклете к поставленному им шекспировскому «Кориолану», Ирд объяснил, зачем ему понадобился «Кориолан»: «Теперь, вследствие развития техники, возникла ситуация, когда от нажатия кнопки каким-нибудь лично уязвленным Кориоланом может зависеть судьба всего мира. Вот почему и сегодня эта пьеса для нас актуальна. И это действительно так.

Последняя работа Ирда в драматиче-

ском жанре — «Дикий капитан» Ю. Смуула. Этот спектакль Ирд ставил с особой любовью, так как Смуул в высшей степени его, Ирда, автор. Сочетание традиционно народного с остро современным стилем, иронии с добротой, юмора с драмой, а главное глубочайшая любовь к людям, какие они есть, без дидактики, без поучительных сентенций, без деления людей по черно-розовому принципу — все это свойственно обоим, тут и Смуул и Ирд в своей стихии. Таким и получился спектакль, в котором все жизненно правдиво и все чуть окрашено сказкой.

Следующая работа Ирда — «Катерина Измайлова» Д. Шостаковича. Он много лет готовился к ней, и на днях в Тарту состоится премьера. А в ноябре в Тарту съедутся на семинар, организованный ВТО, руководители русских областных театров оперетты, в феврале там будет конференция работников музыкально-драматических национальных театров, потому что у «Ванемуйне» есть чему поучиться.

Ежедневно у подъезда театра стоят десятки автобусов, что ни день, идут споры на зрительских конференциях, в студии — занятия, в театре — репетиции, а в районах — выездные спектакли. Как всегда, Ирд чертыхается по поводу того, что сделано очень мало, но, кажется, может получиться что-то интересное в студии, а это самое главное — ведь они молодые и им не надо напоминать о том, что написано в одной из брошюр театра в первом пункте раздела, названного «Вместо программы»: «С 21 июля 1940 г. театр «Ванемуйне» работает не только на маленьком клочке земли, простирающемся с западного берега Чудского озера до Балтийского моря, но и на огромной территории, которая простирается с самой западной точки нашей великой Родины до Камчатки, потому что с 21 июля 1940 г. театр «Ванемуйне» стал советским театром».

С. ДУНИНА.

13 ОКТ 1966

«ИЗВЕСТИЯ»
г. МОСКВА